

Головина В.Н. Мемуары. М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005.

С. 136–150.

ГЛАВА ПЯТАЯ 1796 — 1797

I

Бывают в жизни предчувствия более сильные, чем рассудок. Все говорит нам, что их надо выбросить из головы, не думать об них, но мы все-таки тревожимся и оказываемся недостаточно сильными, чтобы победить их. В печалях и скорбях, посылаемых нам Богом в виде испытания, покорность является единственным прибежищем. Стремление получить его занимает душу и оправдывает ее скорбь. Но предчувствие, тревога — результат нашей слабости, раздражаемой внутренним движением, чуждым нам. Оно преследует нас, как тень, пугает и постоянно стоит перед глазами.

Прошло немного дней после этого. Я завтракала в десять часов утра у матери, как вошел придворный лакей, служивший у моего дяди, и попросил у матери позволения разбудить его. «Около часа тому назад с Государыней сделался удар», — сказал он нам. Я ужасно закричала и побежала к мужу, бывшему внизу в своем помещении. С большим трудом я сошла по лестнице, все дрожало во мне, и я едва могла идти.

Войдя к мужу, мне пришлось сделать над собою усилие, чтобы произнести эти страшные слова: *Государыня умирает*. Муж остолбенел. Он сейчас же спросил одеваться и отправился во дворец. Я не могла ни плакать, ни говорить и еще меньше — думать. Тарсуков, племянник первой камер-фрау Государыни, подошел ко мне и сказал по-русски:

— Все кончилось: и она, и наше счастье!

Приехали граф и графиня Толстые; жена осталась со мной, а граф вместе с мужем поехал во дворец. Мы провели до трех часов утра самое тяжелое время в моей жизни. Через каждые два часа муж посылал мне небольшую записку. Одну минуту надежда оживила сердца, блеснув среди мрака; но это было не долго и сделало еще более тягостным уверенность в несчастье. Государыня пролежала без памяти тридцать шесть часов. Ее тело еще жило, но сознание умерло: в мозгу прервалась жила. Жизнь окончательно покинула ее шестого ноября.

Я приведу здесь подробности об ее последних днях и событиях, происходивших во дворце в первые минуты после ее смерти. Я получила их от той же особы, слова которой я цитировала раньше.

Горе, причиненное Государыне неудачей ее проекта брака со шведским королем, подействовало на нее очень заметно для всех окружающих ее. Она переменяла свой образ жизни; появлялась только в

воскресенье за церковной службой и обедом и очень редко приглашала лиц из своего общества в бриллиантовую комнату или в Эрмитаж. Почти все вечера проводила она в спальне, куда допускались лица, только пользовавшиеся ее особенной дружбой. Великий Князь Александр и его супруга, обыкновенно каждый вечер бывавшие у Императрицы, теперь видели ее только раз или два в неделю, кроме воскресений. Они часто получали распоряжение остаться у себя дома, или же она предлагала им поехать в городской театр послушать новую итальянскую оперу*.

В воскресенье, второго ноября, Государыня в последний раз появилась на публике. Говорили, что она простилась со своими подданными. После того как печальное событие совершилось, все были поражены тем впечатлением, какое она произвела в тот день. Хотя обыкновенно по воскресеньям публика собиралась в зале кавалергардов, а двор — в дежурной комнате, Государыня редко проходила через ту залу. Чаще всего она направлялась из дежурной комнаты через столовую прямо в церковь, а туда посылала Великого Князя Павла или, когда последнего не было, Великого Князя Александра, обедню же стояла на антресолях во внутреннем помещении, откуда выходило окно в алтарь.

Второго ноября Государыня отправилась к обеду через зал кавалергардов. Она была в трауре по португальской королеве и выглядела так хорошо, как ее уже давно не видали. После обедни она долго оставалась в кругу приглашенных лиц; мадам Лебрен только что окончила портрет во весь рост Великой Княгини Елизаветы и представила его Государыне. Ее Величество приказала повесить его в тронном зале, часто останавливалась перед ним, осматривала и разбирала его с лицами, приглашенными к обеду, которых, как всегда по воскресеньям, было много. Великие Князья Александр и Константин обедали у нее в этот день со своими супругами.

Это был не только последний обед, но и последний раз, когда она их видела. Они получили приказание не приезжать к ней вечером. В понедельник, третьего ноября, и во вторник, четвертого, Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета были в Опере. В среду, пятого, в одиннадцать часов утра, в то время как Великий Князь Александр был на прогулке с одним из князей Чарторижских, Великой Княгине Елизавете доложили, что граф Салтыков спрашивает Великого Князя и просит ее сказать, не знает ли она, когда он вернется. Она не знала. Немного спустя возвратился Великий Князь Александр, очень взволнованный сообщением Салтыкова, который послал его разыскивать по всему Петербургу. Он уже знал, что с Государыней сделалось нехорошо и что послали графа Николая Зубова¹ в Гатчину.

---

* Тогда только что приехала превосходная певица Марджюлетти, и для нее поставили серьезную оперу «Дидон», в несколько недель выдержавшую большое количество представлений. *Примеч. авт.*

Он остолбенел, так же как и Великая Княгиня, от сообщенной им Новости. Весь день провели они в крайней тревоге. В пять часов вечера Великий Князь Александр, до того времени с трудом сдерживавшийся, чтобы не последовать первому движению души, получил разрешение от графа Салтыкова отправиться в апартаменты Государыни. Это ему не разрешили — сначала без всякого достаточного основания, но по мотивам, легко понятным для того, кто знал характер графа Салтыкова. Еще при жизни Императрицы распространился слух, что она лишит своего сына престолонаследия и назначит наследником Великого Князя Александра. Я уверена в том, что никогда у Государыни не было этой мысли, но для графа Салтыкова было достаточно одних толков, чтобы запретить Великому Князю Александру отправиться в комнаты бабушки раньше приезда его отца. Так как Великий Князь, отец, не мог замедлить, то Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета отправились к Государыне между пятью и шестью часами вечера. Во внешних апартаментах не было никого, кроме дежурных с мрачными лицами.

Уборная комната, находившаяся перед спальней, была наполнена лицами, представлявшими зрелище сильного отчаяния. Наконец они увидели Государыню, лежавшую на полу на матрасе за ширмами. Она находилась в спальне, тускло освещенной; у ног ее были фрейлина м-ль Протасова и камер-фрау м-ль Алексеева, рыдания которых смешивались со страшным хрипом Государыни. Это были единственные звуки, нарушавшие глубокую тишину.

Великий Князь Александр и его супруга недолго оставались там. Они были глубоко взволнованы. Они прошли через апартаменты Государыни, и доброе сердце Великого Князя направило его к князю Зубову, жившему рядом. Тот же коридор вел к Великому Князю Константину, и Великая Княгиня Елизавета прошла к своей невестке. Им нельзя было долго оставаться вместе, надо было приготовиться к приему Великого Князя-отца! Он приехал к семи часам вечера и, не проходя к себе, остался, так же как и Великая Княгиня, в апартаментах Государыни. Он виделся только с сыновьями, а его невестки получили распоряжение оставаться у себя.

Апартаменты Государыни тотчас наполнились преданными слугами Великого Князя-отца, большею частью извлеченными из неизвестности, которым ни их происхождение, ни способности не давали права надеяться на должности и милости, готовые свалиться на них. В передней толпа увеличивалась с минуты на минуту. *Гатчинцы* (так называли этих людей) суетились, толкали придворных, с удивлением спрашивавших себя, откуда взялись эти Остготы, по-видимому, одни пользовавшиеся правом входить во внутренние апартаменты, тогда как раньше их не видали и в передних.

Великий Князь Павел расположился в кабинете за спальней своей матери, так что все, кому он давал распоряжения, проходили мимо Государыни, еще не умершей, как будто ее уже не существовало. Эта профанация Величества, это кощунство, недопустимое по отношению и к

последнему из людей, шокировало всех и представляло в неблагоприятном свете разрешавшего это Великого Князя Павла. Так прошла ночь. Был момент, когда блеснула надежда; казалось, что подействовали лекарства, но эта надежда скоро была разрушена.

Великая Княгиня провела всю ночь не раздеваясь, с минуты на минуту дожидаясь, что за ней пришлют. Графиня Шувалова приходила и уходила опять; каждую минуту получалось известие о состоянии здоровья Государыни. Великий Князь Александр с того момента, как приехал его отец, больше не возвращался к своей супруге. Он вошел к ней вместе со своим отцом около трех часов утра. Они были в форме батальонов Великого Князя-отца, которые во время царствования Павла послужили моделью дела реорганизации всей армии².

Иногда обстоятельства, незначительные сами по себе, производят большее впечатление, чем другие, более важные. Вид этого мундира вне Павловска и Гатчины, тогда как раньше Великий Князь Александр надевал его только потихоньку от Государыни, не любившей, чтобы ее внуки брали уроки прусской солдатчины, итак, вид этих мундиров, над которыми Великая Княгиня часто смеялась, в тот момент разрушил всякую иллюзию. Ее душа пришла в уныние, и она залилась слезами. Это были первые ее слезы. Ей казалось, что после жизни приятной, спокойной и уверенной она попала в смиренный дом.

Посещение Великих Князей продолжалось недолго. Под утро был получен приказ надеть русские платья. Это означало, что Государыня скончалась. Однако весь день прошел в ожидании. Агония была долгой и мучительной, без одной минуты сознания. Шестого, в одиннадцать часов вечера, прислали за Великой Княгиней Елизаветой и ее золовкой, находившейся у нее. Императрицы Екатерины более не существовало. Великие Княгини прошли через толпу, почти не видя, кто их окружает. Великий Князь Александр подошел к ним и сказал, чтобы они встали на колени, целуя руку у нового Императора. Они нашли его, так же как и Императрицу Марию, у входа в спальню. Поздоровавшись с ним, они должны были пройти через спальню мимо останков Государыни, не останавливаясь, в прилегавший к этой комнате кабинет, где были Великие Княжны, все в слезах. В это время Императрица Мария с большой энергией и ловкостью распорядилась одеванием покойной Государыни и устройством, ее комнаты.

Покойная Государыня была положена на постель в утреннем платье. Императорский Дом присутствовал на панихиде, отслуженной в том же помещении, и после целования руки покойной отправились в церковь, где была принесена присяга Императору. Эти печальные церемонии продолжались до двух часов ночи.

II

Редко когда перемена царствования не производит большой или меньший переворот в положении приближенных; но то, что должно было произойти при восшествии на престол Императора Павла, внушало всем ужас ввиду характера этого Государя. Обладая всем, чтобы быть великим монархом и самым любезным человеком в своем государстве, он достиг только того, что внушал страх и отвращение. В своей молодости путешествия, различные удовольствия и склонности, которые он удовлетворял, отвлекали его от неприятной роли, которую ему приходилось играть, благодаря его ничтожеству в политике. Но с возрастом это сильно давало себя чувствовать. У него была гордая душа и деятельный ум, и в конце концов его характер ожесточился, он стал подозрительным, нелюдимым и мелочно придирчивым.

Он почти всецело уединился, проводя только три месяца зимой при дворе своей матери, а остальное время в Павловске или в Гатчине, в своих загородных дворцах. Из матросов, находившихся под его начальством, он сформировал два батальона пехоты, по прусскому образцу. Он ввел везде у себя строжайшую дисциплину не только в войсках, но и при дворе. Опоздание на одну минуту часто наказывалось арестом; более или менее заботливо сделанная прическа у мужчин вызывала его насмешки или заставляла его прогонять их. Для представления Павлу приходилось надевать костюмы своих предков. Все, к кому хорошо относилась Государыня, не пользовались сближением Великого Князя. Все это приводило к тому, что его старались избегать, насколько позволял его ранг. Еще когда он был Великим Князем, боялись его выходов и придирок, когда же он стал Императором, все, у кого не было особенных причин рассчитывать на его милость, были готовы ко всему, потому что хотя он и не оскорблял никого, но часто против какого-либо определенного лица в его душе возникало предубеждение, и он при случае проявлял это, что нельзя было объяснить ничем другим, кроме каприза.

Несмотря на чувство неприязни, часто несправедливое, бывшее у него по отношению к матери, он проявил глубокую чувствительность, когда увидел ее лежащей без движения. Но его дурной характер быстро взял верх. Первые должности при дворе* были замещены другими лицами. Мановением жезла он разрушил все, что обеспечивало в продолжение тридцати четырех лет одно из наиболее славных царствований. Маршал двора, князь Барятинский, был изгнан как один из содействовавших смерти Петра III. Граф Алексей Орлов дрожал, как преступник. Он просто был отослан через некоторое время³.

Среди различного рода перемен, высылков и повешений, бывших в это время, случались довольно забавные истории. Турчанинов⁴ был секретарем Императрицы Екатерины, и ему также был поручен надзор за ее частными занятиями. Это был маленький человек, такой гибкий, что он казался от этого еще меньше. Когда Императрица Екатерина отдавала ему приказания, прогуливаясь в саду Царского Села, он так сгибался из

уважения, что Ее Величество, не будучи высокого роста, принуждена была нагибаться, чтобы разговаривать с ним. Про него ходил слух, что он набивал свои карманы. Я не знаю, насколько это было правдой, только Император Павел проявил сильную ненависть к нему, чего никто не мог предвидеть, потому что слишком мало было между ними случаев соприкосновения. Он приказал ему уехать из Петербурга и никогда больше не показываться на глаза. Турчанинов так хорошо исполнил приказание, что никто не видал, как и когда он уехал. Его не видали ни у одной заставы. Никто не знал, куда он направился, и с этого момента о нем больше не слыхали в Петербурге.

Вступая на престол, Император Павел совершил много справедливых и милостивых поступков. Казалось, что он не желал ничего другого, кроме счастья своего государства; он обещал, что рекрутский набор будет отложен на несколько лет, и старался уничтожить злоупотребления, допущенные в последние годы царствования Государыни. Он проявил благородные и великодушные чувства, но он разрушил все это, пытаясь повредить славной памяти Императрицы, своей матери. Он назначил заупокойную службу в Александре-Невском монастыре, близ могилы своего отца, присутствовал на ней со всей семьей и двором. Потом открыли гроб, там оказался только прах от костей, который он приказал целовать. Он распорядился приготовить великолепные похороны со всеми церковными и военными церемониями, перенес фоб во дворец, следовал за шествием пешком и приказал участвовать в церемонии Алексею Орлову. Это произошло через три недели после смерти Государыни.

За две недели до этого возмутительного поступка я была назначена дежурной к телу Ее Величества. Собирались перенести его в тронный зал. Я вошла в дежурную комнату, находившуюся рядом. Мне невозможно передать различные чувства, волновавшие меня, и скорбь, наполнявшую мою душу. Я искала глазами лиц, выражение которых могло бы успокоить мое сердце. Императрица Мария ходила взад и вперед, распорядясь церемонией. Ее довольный вид мучил меня. В смерти есть что-то торжественное; это поражающая истина, которая должна угасить все страсти. Ее неумолимая коса подрезает наше существование; если это не случилось вчера, это может случиться сегодня или завтра, и иногда это завтра оказывается таким недалеким и неожиданным!

Я вошла в тронный зал и села у стены, вбок от трона. Через три шага от меня был камин, к которому прислонился камер-лакей Екатерины II. Его отчаяние и печаль вызвали слезы у меня, и мне стало от этого легче.

Рядом с тронным залом находилась зала кавалергардов. Потолок, пол и стены были обтянуты черным, единственным освещением этой траурной комнаты был яркий огонь камина. Кавалергарды в своих красных куртках и серебряных касках расположились группами, одни опираясь на карабины, другие — лежа на стульях. Мрачное молчание царило в этом зале, прерываемое только вздохами и рыданиями. Я постояла несколько

времени у двери, это зрелище было в согласии с моей душой. Противоречие ужасно во время скорби, оно раздражает ее и сдавливает. Горечь ее утоляется, только встречая подобие мучениям, испытываемым ею. Я вернулась на свое кресло. Через минуту обе половины двери раскрылись. Появились придворные в самом глубоком трауре и прошли через зал в спальню, где лежало тело Государыни. Я была извлечена из уныния, в которое повергло меня зрелище смерти, приближавшимся похоронным пением. В дверях показалось духовенство, священники, певчие и Императорская семья, а за нею несли тело на великолепных носилках, покрытых Императорской мантией, концы которой неслись первыми чинами двора. Едва я увидела мою Государыню, как все содрогнулось во мне, слезы высохли и рыдания перешли в невольные крики. Члены Императорской семьи поместились передо мной, и, несмотря на торжественность момента, Аракчеев⁵, личность, извлеченная Государем из ничтожества и ставшая фактотумом его чрезмерных строгостей, сильно толкнул меня, говоря мне замолчать. Моя скорбь была так велика, что всякое постороннее чувство не могло коснуться меня, и этот неприличный поступок не произвел на меня никакого впечатления. Бог по своей милости даровал мне приятную минуту: я встретилась глазами с Великой Княгиней Елизаветой и прочла в них утешение моей душе. Она тихо приблизилась ко мне и дала мне сзади свою руку, пожав мою.

Началась служба, она подняла мое мужество, смягчая сердце. Когда церемония кончилась, вся Императорская фамилия, один за другим, преклонялись перед телом и целовали руку покойной. Потом все разошлись. Остался один священник против трона, чтобы читать Евангелие. Шесть кавалергардов были поставлены вокруг гроба. После двадцати четырех часов дежурства я вернулась домой, измученная телом и душой.

Понадобилось немного дней, чтобы все почувствовали, как велика была потеря. Справедливая свобода каждого была поработана особым терроризмом. Нельзя было дышать свободно от многочисленных правил этикета и ложных знаков почтения. Каждый раз, встречаясь с Государем на улице (а это случалось постоянно), приходилось не только останавливаться, но и выходить из экипажа, какая бы погода ни была. Одним словом, все, до шляп включительно, носило печать стеснения. У четырех гвардейских полков, с самого основания их Петром Великим, полковником был всегда Государь, в двух из них, пехотных, полковниками были назначены Великие Князья Александр и Константин. Конная гвардия была предоставлена Великому Князю Николаю еще с колыбели. Император оставил себе только Преображенский полк. С этого момента Великие Князья все время были заняты военной службой. Надо было реформировать полки по образцу Гатчинских батальонов, вошедших в состав гвардии, и работа была немаленькая.

Молодые люди первых родов начинали обыкновенно свою карьеру в гвардии, потому что служба там не была действительной; они почти не носили мундира и повышались из чина в чин, предаваясь удовольствиям в Петербурге. С того момента служба стала действительной и очень строгой: надо было хорошо носить эспонтон, быть застегнутым на все пуговицы, хорошо завитым, иначе угрожала ссылка и заключение в крепости. Можно себе представить, сколько нужно было труда, чтобы переделать каждого субъекта в полку на новый образец.

С этой утомительной обязанностью Великий Князь Александр соединял должность военного губернатора Петербурга, так что в первое время после всех этих перемен у него едва оставалось для отдыха несколько часов ночью, потому что днем приходилось отдавать много времени на представления.

Государь послал Суворову приказ ввести во всей армии новый костюм. Он повиновался, все-таки заметив, что *букли не пушка и коса не штык*. Несмотря на это смещение строгости, мелочности и требовательности, у Императора Павла были великодушные и рыцарские идеи. Его голова была лабиринтом, где заблудился разум. Его душа была добродетельна и прекрасна, и, если бы она была более сильной, его поступки стали бы предметом уважения и восхищения. Надо ему отдать справедливость, что он был единственным Государем, который искренно пожелал установить законность в наследовании трона, и он также был единственным, полагавшим, что без законности не может быть установлен порядок.

Неделю спустя после того, как я была дежурной в тронном зале, я была назначена на дежурство в большом зале, где обыкновенно давались балы. *Castrum doloris* был помещен посредине; он был сделан в форме ротонды с куполом наверху. Государыня была положена в открытый гроб, и на голове у ней была золотая корона. Императорская мантия закрывала ее почти до шеи. Вокруг было шесть подсвечников, и напротив священник читал Евангелие. За колоннами на ступенях печально стояли кавалергарды, опираясь на свои карабины. Все было величественно, красиво и религиозно, но гроб с прахом Петра III, стоявший рядом, приводил душу в возмущение. Это было оскорбление, которого и могила не может стереть; это кощунство сына над матерью терзало душу.

К счастью для меня, я дежурила вместе с Толстой; наши сердца гармонировали, и мы пили чувство горечи из одного кубка. Другие дежурные дамы менялись через два часа, мы попросили разрешения не покидать гроба Государыни, что нам было предоставлено без труда. Ночь еще более усилила это зрелище, и казалось, что истина является во всем своем блеске. Крышка гроба Государыни лежала на столе у стены, параллельно *castrum doloris*. Толстая, так же как и я, была в глубоком трауре; наши креповые вуали спускались до полу. Мы стояли, прислонясь к крышке этого последнего жилища, к которой я невольно прижималась: Я

чувствовала желание умереть, как потребность в любви. Божественные слова Евангелия проникали мне в душу. Все казалось мне ничтожным вокруг меня. Бог был в моей душе и смерть перед глазами.

Я долгое время была как бы без чувств, закрыв лицо руками. Подняв голову, я увидела Толстую, освещенную лунным светом, падавшим через окно наверху. Этот мягкий спокойный свет давал великолепный контраст с освещением, сосредоточенным в середине этой как бы часовни. Вся остальная часть этого обширного зала была погружена во мрак.

В восемь или девять часов вечера члены Императорской фамилии медленно вошли, чтобы поклониться телу, и ушли в том же порядке в глубочайшем молчании. Через час или два пришли камер-фрау покойной Императрицы. Они с жадностью целовали ее руку и лишь с трудом могли оторваться. Крики, рыдания, обмороки прерывали по временам торжественную тишину. Государыню обожали все, кто был около нее; молитвы за ее душу и чувствительная благодарность возносились к небесам. Я была огорчена, когда наступил день, и с печалью видела, что мое дежурство окончено. С трудом расстаются с останками тех, кто нам дорог.

Тело Государыни и гроб Петра III после заупокойной службы были перенесены в крепость и положены в склепе, где покоились их предшественники.

Когда похоронные церемонии окончились, был получен приказ явиться ко двору для представления. Собрались в траурном зале кавалергардов. *Труссы и трусихи* решили, что надо целовать руку Императора, падая ниц, что мне показалось очень странным. Император и Императрица появились, и курбеты начались так быстро, что Император не успевал поднять этих картонных паяцев. Я была возмущена этим. Когда дошла очередь до меня, я поклонилась, как всегда, и собиралась взять руку Императора, который быстро отдернул ее. От этого быстрого движения он так звучно поцеловал меня в щеку, что рассмеялся. Он сильно уколол меня своим подбородком, который он, вероятно, не брил в тот день. Я была слишком огорчена тогда, чтобы почувствовать смешную сторону этой сцены. Старые дамы бранили меня, что я не последовала их примеру. Я отвечала им, что никогда не может быть уважения большего, чем мое к Императрице Екатерине, но что я никогда не валялась на земле перед ней и что я не могла и не должна была делать этого перед ее сыном. Я не знаю, быть может, они почувствовали справедливость моего убеждения, но только преклонения прекратились.

---

¹ Зубов Николай Александрович (24.4.1763 – 9.8.1805), генерал-поручик (1796), обер-штаб-майстер (1800). В 1796 первым известил Павла I в Гатчине о смерти императрицы Екатерины II. Активный участник заговора против императора Павла 11.3.1801; когда заговорщики ворвались в спальню Павла I, Зубов первым нанес ему удар золотой табакеркой в висок.

---

² Гатчинские войска сформированы великим князем Павлом Петровичем в 1786–1795 в Гатчине и Павловске; обмундированием, снаряжением, приемами обучения копировали прусскую армию.

³ С 1775 А.Г. Орлов находился в отставке, жил в Москве.

⁴ Петр Иванович Турчанинов (1746 – после 1823), генерал-поручик, в 1778 правитель канцелярии Г.А. Потемкина; в 1791–1793 статс-секретарь императрицы Екатерины II.

⁵ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807). С 1792 служил в Гатчинских войсках, был фаворитом императора. Павла I, с 1796 комендант Санкт-Петербурга, в 1797–1799 генерал-квартирмейстер всей армии, в 1799 и с 1803 инспектор артиллерии, провел её реорганизацию. В 1808–1810 военный министр, с 1810 председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815–1825 доверенное лицо императора Александра I, фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, Собственной его императорского величества канцелярией, был единственным докладчиком императору по большинству ведомств. С 1819 главный начальник над военными поселениями.